

На правах рукописи

Задорина Алена Олеговна

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС,
ВОСХОДЯЩИЙ К ТЕКСТАМ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ,
В РОМАНЕ Л. М. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск – 2012

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
Института филологии и языковой коммуникации
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Ковтун Наталья Вадимовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы и фольклора
Кемеровского государственного университета
Ходанен Людмила Алексеевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры речевой коммуникации
Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета
Цветова Наталья Сергеевна

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки ИФЛ СО РАН

Защита состоится 26 марта 2012 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.12 при ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 6, улк. ИНиГ, ауд. 3-17.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Сибирского федерального университета.

Автореферат разослан « » февраля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

И.В. Башкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Творчество Леонида Максимовича Леонова, охватывающее большую часть XX века, все настойчивее привлекает внимание современных исследователей, и тому есть несколько причин. В авторской манере писателя своеобразно преломляются веяния различных художественных тенденций и традиций, контаминация которых особенно очевидна в итоговом произведении. Публикация «Пирамиды» в 1994 году вызвала всплеск интереса к текстам Леонова, знаменовала появление работ, посвященных как анализу романа-завещания, так и предлагающих новый взгляд на ранние и зрелые тексты мастера, традиционно соотносимые с литературой социалистического реализма: «Соть» (1930), «Дорога на Океан» (1935), «Русский лес» (1953). Философская глубина и многомерность «Пирамиды» потребовала корректировки представления о Леонове-писателе, неоднозначность художественной системы которого очевидна. На постоянный дуализм Леонова указывают в своих работах С.Г. Семёнова, А.Г. Лысов, Т.М. Вахитова.

Существует несколько традиций изучения творчества Леонова, подходов к его итоговому произведению. В рамках одного из них «Пирамида» рассматривается как текст, созданный **в поле православной культуры**; среди религиозных истоков романа называются как канонические книги, так и апокрифические сказания (А.А. Дырдин, В.С. Федоров, В.А. Петишева). Представители другого направления исследуют структуру леоновского текста как **научно-технического трактата**, обращенного к последним открытиям теоретиков в области физики, астрофизики, математики, когда религиозные мотивы используются в качестве оформления авторских идей (А.Г. Лысов, В.С. Воронин, О.В. Станкевич).

Отдельные ученые говорят о **мифотворческом начале** «Пирамиды», попытке создания новой схемы мироздания (А.М. Любомудров, С.Л. Слободнюк). Наконец, все больше появляется исследований, направленных на изучение **интертекстуальности** леоновского письма

(Л.П. Якимова, Н.А. Непомнящих) и работ, утверждающих мультикультурный статус «Пирамиды» (А.Г. Лысов, В.И. Хрулев, Т.М. Вахитова). Множественность подходов к прочтению романа свидетельствует об особой сложности авторского текста, неочевидности художественных кодов, что связано и с историей создания произведения, насчитывающей более сорока лет.

Следует подчеркнуть незавершенность анализируемого романа, непрописанность ряда повествовательных линий и судеб героев, противоречия в характеристике ключевых фигур (ангел Дымков, распоряжающийся временем, выглядит слишком мелким, неуверенным для вменяемой ему миссии). Выявление специфики функционирования религиозно-философских мотивов в итоговом произведении помогает раскрыть его внутреннюю логику, идейные задачи, определить место романа в современном литературном процессе.

В рамках прагматического подхода в мотивологии, избранного в качестве основного для данного исследования, мотив определяется следующим образом: «Мотив – это феномен филиации (расщепления) некоторого семантического поля (комплекса, "пучка мотивов"), выступающего в роли субстрата, и одновременно – противоположный феномен агглютинации (слипания) субмотивов, выступающих субститутами данного мотива. В силу своей континуальности ... **мотив семантически эквивалентен целому комплексу мотивов (субстрату)**»¹. Варианты мотива в его событийных реализациях в фабулах в работе обозначаются с помощью термина «**алломотив**». Семантический потенциал мотива, обрастание его «привходящими» мотивами раскрывается в понятии **валентность**².

В работе сделана попытка, не нарушая исторических принципов, проследить эволюцию писателя, изменения в его поэтике, происходившие под действием как внутренних, так и внешних факторов. В центре

¹ Тюпа В.И. Тезисы к проекту словаря мотивов // Дискурс – 2' 96. Новосибирск, 1996. С. 52-55.

² Бем А. К уяснению историко-литературных понятий // Известия Отделения русского языка и литературы Академии наук. 1918. Т. 23. Кн.1. СПб., 1919. С. 225-245.

диссертационного сочинения – роман «Пирамида», представленный как логическое, финальное звено творческого пути мастера.

Цель работы – изучить функционирование религиозно-философских мотивов, восходящих к текстам Священного Писания, в романе Л.М. Леонова «Пирамида», осмыслить характер их художественного воплощения от раннего творчества к итоговому произведению.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выявить и проанализировать смыслообразующие мотивы, восходящие к текстам Священного Писания, в творчестве Леонова в целом.
2. Исследовать поэтику мотивов отчаяния, чуда, дара, испытания, выбора пути в романе «Пирамида».
3. Обозначить прагматический смысл использования данных мотивов в связи с ключевой для Леонова идеей познания.
4. Представить типологию героев писателя по характеру их взаимодействия с трансцендентным началом.

Актуальность данного исследования определяется, во-первых, необходимостью заполнения существующей лакуны в изучении системы мотивов романа Леонова «Пирамида». Анализ художественной реализации мотивов, восходящих к Священному Писанию, имеет принципиальное значение для прояснения авторской концепции мира и человека. Во-вторых, в связи с обновлением в отечественном и зарубежном литературоведении теории мотива, актуальной представляется проверка основных теоретических положений на практике анализа конкретного текста (мотивная сложность романа Леонова способствует плодотворности решения данной задачи).

Научная новизна работы состоит в том, что впервые развернуто и в аспекте генезиса исследуются мотивы романа «Пирамида», восходящие к текстам Священного Писания, осуществляется попытка выявления типологии персонажей романа в корреляции с мотивами отчаяния, чуда, дара, испытания и выбора пути. Мотивы отчаяния, чуда и дара показывают участие Всевышнего в судьбе человека и человечества. Они подчеркивают, с

одной стороны, ограниченность возможностей человека как смертного существа, с другой – интерес Бога к земной жизни.

Мотивы испытания и выбора пути отражают видение той же ситуации человеком, его самостоятельное движение, преодоление жизненных испытаний. Таким образом, если мотивы первой группы показывают величие Господне, то вторые призваны утвердить статус Человека. Все точки зрения, представленные в романе, сходятся на одном уровне – на уровне абстрактного автора, представляющего собой «семантический центр произведения»³.

Материалом исследования стал роман Л.М. Леонова «Пирамида», подводящий своеобразный итог интеллектуальным, мистическим, утопическим поискам XX века. Итоговый текст мастера остро ставит вопрос о взаимодействии реального и ирреального хронотопов, о границах познания.

Объектом исследования является мотивная организация текста, ее взаимодействие с идейной направленностью романа и системой персонажей.

Предмет исследования – мотивная система в романе «Пирамида». Несмотря на достаточно серьезную историю исследования идеологии и поэтики «Пирамиды», нет оснований говорить о существовании системного видения мотивов текста. Основное внимание леоноведов сосредоточено на следующих библейских сюжетах: миф о грехопадении (Адам и Ева), миф о восстании Люцифера, притча о блудном сыне, Апокалипсис.

В центре данного исследования анализ мотивов, либо вообще не становившихся предметом самостоятельной научной рефлексии (отчаяние, дар, испытание, выбор пути), либо упоминаемых в контексте иных исследовательских тем (мотив чуда). Вместе с тем названные мотивы являются значимыми для системного понимания прозы Леонова, его романа-завещания в особенности.

Методологической основой исследования стали классические филологические труды по мотивологии (Б.М. Гаспаров, В.И. Тюпа,

³ Шмид В. Нарратология. М: Языки славянской культуры, 2008. С. 53.

И.Е. Силантьев), нарратологии (В. Шмид), теории романа (М.М. Бахтин, Н.Т. Рымарь), ключевые работы леоноведов, посвященные анализу творчества писателя (Л.П. Якимова, Т.М. Вахитова, А.А. Дырдин, А.Г. Лысов, А.И. Павловский, В.И. Хрулев, Ф. Листван, В.С. Федоров, Н.А. Непомнящих). Учитывая специфику работы, значимыми для нас стали труды экзистенциалиста С. Кьеркегора и русских религиозных философов (Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, И.А. Ильин).

Методы исследования – сравнительно-исторический, структурно-типологический, мотивный анализ.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она открывает дополнительные перспективы как в области изучения мотива, так и собственно творчества Л.М. Леонова; уточняет концепцию романа «Пирамида» как романа-познания; в рамках прагматического подхода описывает связь структурообразующих мотивов с идейным содержанием текста.

Практическая ценность работы: материалы и выводы диссертации могут быть использованы при подготовке вузовских курсов по теории литературы, истории русской литературы XX века, для разработки спецсеминаров по поэтике постреализма и творчеству Леонова.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В различные периоды творчества Леонова развитие одних и тех же мотивов обуславливалось эстетикой основного художественного направления: в рассказах и повестях 1920-х годов – символизмом и экспрессионизмом (Л.Н. Андреев), в зрелой романистике – социалистическим реализмом, в «Пирамиде» – эклектикой постреализма.

2. Ключевые мотивы в прозе мастера (от ранних текстов и до «Пирамиды») образуют собой сложный семантический комплекс, идейная значимость которого определяется характером взаимодействия и реализации мотивов.

3. В мотивном комплексе определяющим становится мотив отчаяния как фактор, инициирующий становление и развитие других мотивов (чудо, дар, испытание, выбор пути).

4. Развитие мотивов дара и чуда в художественном тексте позволяет выстроить классификацию персонажей (профанные, проникновенные, чудотворящие) на основании их взаимодействия с трансцендентными категориями.

5. Мотивами выбора пути и духовного испытания определяется личностное становление героев по отношению к божественной воле.

6. Комплексное наблюдение за воплощением библейских мотивов в «Пирамиде» позволяет по-новому высветить проблему границ познания как основополагающую в позднем творчестве Леонова.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей «Диалог культур в аспекте языка и текста» (СФУ 2009, 2010, 2011), VI Международной научной конференции «Образ России в отечественной литературе» (Ульяновск, 2009), Международной научной конференции «Ломоносов-2011» (МГУ, 2011).

Структура работы обусловлена целью и поставленными задачами. Диссертационное сочинение состоит из Введения, двух глав, Заключения и библиографического списка, включающего 144 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика диссертационного сочинения, обозначен историко-культурный контекст творчества писателя, излагается степень изученности проблемы, обосновывается актуальность и научная новизна работы, определяется ее методологическая основа, формулируются цель и задачи, а также положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Мотивы избранничества и их реализация в свете персонажной структуры романа “Пирамида”» анализируются мотивы

отчаяния, чуда и дара, раскрывающие идею Божественного участия в жизни человека, подчеркивается соединение их в единую смысловую цепочку, где каждое из звеньев уточняет функционирование соседнего. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Мотив отчаяния и его реализация в итоговом тексте Л.М. Леонова» представлен генезис мотива, начиная с повести «Гибель Егорушки» (1922), написанной под влиянием поэтики символистов, Л. Н. Андреева. В произведениях Леонова отчаяние связано с утратой героем жизненной основы, ценностного ядра, без которого существование лишено смысла и сравнимо со скитанием по бесконечной пустыне. Отчаянием определяется действие в тексте других мотивов, в частности: выбор пути (или его отсутствие), невозможность спасения, исчезновение таланта. Важен в понимании мотива роман «Барсуки» (1924), где комиссар Антон уже высказывает сомнение в необходимости человека для мира, что вызывает разочарование как в миссии смертного, так и в замысле Творца. Отчаяние включается писателем в ряд эсхатологических и богоборческих мотивов, одним из вариантов его воплощения становится мотив богооставленности («Петушихинский пролом», «Вор», отчасти «Пирамида»).

В романах Леонова, традиционно соотносимых с социалистическим реализмом («Соть», «Дорога на Океан»), мотив отчаяния редуцирован, экзистенциальная проблематика отходит на второй план. Слабое сюжетное значение мотива компенсируется возрастанием его роли на уровне образов. Так, в «Русском лесе» мотив отчаяния выступает в качестве своеобразного классификатора внутри системы персонажей: «положительность» членов семьи Вихровых определяется возможностью каждого собственными силами вырваться из гнетущего плена безысходности. Решение проблемы отчаяния зависит от духовной мотивации индивидуума: отчаяние бездарного иуды Грацианского и отчаяние мировоззренческой ломки у Поли Вихровой – разные психологические состояния, выходы из которых прямо противоположны друг другу (самоубийство профессора и прозрение Поли).

Мотив отчаяния имеет особое значение в романе «Пирамида», все герои произведения раскрывают экстремумы своей личности в призме данного мотива. В случае с человеческими образами (д. Аблаев, отец Матвей, Дуня) он чаще всего связан с возможностью предательства, выявляет слабые стороны души персонажей. Для героев мистического происхождения (Люцифер-Шатаницкий, Дымков) отчаяние, пусть и имеющее разные основания, служит своеобразной демаркационной линией, разделяющей их: Люцифера оно низвергает в бездну, ангелу Дымкову открывает возможность вернуться в идеальную высь. Разные пути этих героев обусловлены силой, которая возымела верх в момент отчаяния, ставшего для них своеобразным испытанием. Ангел Дымков, распоряжающийся временем, из материи которого сотворена Вселенная, несмотря на пристальный интерес власти к нему, всё-таки ускользает от исполнения некоего задуманного вождём эпохального решения.

В повествовании утверждается двойственность природы отчаяния: сквозь все тексты Леонова проводится мысль о грешности, опасности чувства отчаяния для человека, одновременно отчаяние выступает и как признак духовного роста: оно возникает в результате осознания человеком ограниченности его возможностей в познании Вселенной и самого себя. Утрату способности к отчаянию нарратор расценивает как свидетельство формализации личности, невозможность отчаяться превращает жизнь человека в функционирование.

Мотив отчаяния принципиально важен для понимания основной идеи произведения. Создаваемый как роман познания, текст «Пирамиды» внутренне полемичен. Отчаяние – естественная реакция на невозможность познания больше, чем дано, поскольку «богу – богово, а кесарю – кесарево».

Во втором параграфе «Мотив чуда в произведениях Л.М. Леонова и его воплощение в романе “Пирамида”» предложена классификация персонажей, основанная на принципе взаимодействия героев с трансцендентным началом: профанные, проникновенные и чудотворящие.

Проанализированы основные библейские символы, связанные с воплощением в тексте мотива чуда: **гора, вино, хлеб, крест**. Важнейший символ романа, **пирамида**, полисемичен, включает в себя значения сложности, неповторимости, вечности. В ранних произведениях Леонова прагматический смысл мотива чуда связан с возможностью спасения, его спутниками в сюжете становятся мотивы ожидания и предчувствия. Автор выстраивает кризисную ситуацию, доводит ее до предела, когда исход возможен лишь посредством чуда – в противном случае герои обречены на гибель («Гибель Егорушки», «Деревянная королева», 1922, «Петушихинский пролом», 1923, «Провинциальная история», 1928).

Вопрос о сущности чуда ставится открыто в зрелой прозе писателя, от «Вора» и до «Пирамиды». Понять природу чудесного пытаются персонажи и нарратор, не исключено, что чудо как феномен интересовал и самого автора. В романистике Леонова поливалентность мотива становится очевидной. С одной стороны, он перекликается с мотивом таинственного **клада**, составляющим главную ценность человеческую («Барсуки», «Вор», «Пирамида»). С другой стороны, чудо, как предмет феноменологического исследования, связано с мотивом **таланта**: для того, чтобы постичь непостижимое, необходимо иметь благоволение свыше, то есть обладать **даром** проникновения в сущность вещей – отсюда появляются герои-ремесленники и бесталанные, тщетно бьющиеся над загадками бытия.

Разные точки зрения на сущность чуда, фигурирующие в романе (о. Матвей, старик Дюрсо, ангел Дымков, Дуня Лоскутова, Никанор Шамин), сходятся в общей идее: чудо есть необходимый пароль. Старый циркач Дюрсо обольщает Дымкова: «Есть только одно такое слово, оно как крыло – лететь и не упасть, упасть и не разбиться, разбиться и не умереть. Данное слово соединило нас как пароль...». Благодаря чуду вступают в сообщение мистическая и эмпирическая реальности. Особенно это характерно для такого алломотива чуда, как **откровение**, сама внутренняя форма слова указывает на взаимосвязь двух миров. Редкость откровений в романе

подчеркивает идею избранничества героев, которым они даны (о. Матвей, Дуня Лоскутова).

В «Пирамиде» местом для чудесного становятся **церковь** и **цирк**, новый политический режим изгоняет чудо даже из лексикона, авторская рефлексия направлена на то, чтобы хотя бы мыслью задержать ускользающее навсегда. Однако повествовательная стратегия Леонова к этому не сводима, в вариации мотива присутствуют как определяющие следующие компоненты: баланс, хрупкость, необходимость, прозрачность. Такие же семы чуда, как случайность, неповторимость, божественное происхождение в романе не верифицируются.

В размышлениях нарратора о специфике чуда снимается традиционное противопоставление хлеба насущного и хлеба духовного. Чудо мистическое человеку нужно как хлеб, но в тексте «творцами чудес» названы те, кто в черном поту трудится над возделыванием поля, а праздный Мирчудес, созданный для развлечения скучающих бездельников, вызывает иронию повествователя. Самой фабулой автор наталкивает на мысль: чудеса не обязательно должны быть божественными по происхождению, что не умаляет их значения в жизни и судьбе человека (так, коробка с цыплятами, увиденная о. Матвеем в магазине, напоминает ему о том, что вся жизнь проникнута Божьим светом). В тексте разграничены чудеса, созданные усилием человека (в их основе труд), и собственно божественные (проявление высшей воли).

Мотив чуда в романе – один из самых поливалентных и находится в сложных семантических связях с другими мотивными единицами. Мотив чуда является важным элементом сюжета, в его задачу входит организация контрастных переходов между эпизодами (перипетии в судьбах героев). Мотив играет значимую роль и на композиционном уровне: движение к следующему текстовому фрагменту производится на основании включения в художественную ткань нового типа чудес.

В третьем параграфе «**Мотив дара: от ранних текстов до “Пирамиды”**» талант рассматривается как знак избранности, боговдохновенности в следующих семантических пределах: **дар – талант, дар – пророчество, дар – клад** (как таинственный дар). Образ клада имеет большое значение для зрелого Леонова, предстает некой душевной тайной, разгадка которой равносильна познанию смысла жизни. В «Барсуках» попытка обнаружить клад связывает главных героев в любовный треугольник, в «Воре» идея чудесной находки объединяет всех персонажей в одно целое, подчиненное замыслу вторичного нарратора Фирсова.

Проблема клада заключается в невозможности его обретения обычным человеком – он предназначен для избранного (ибо много званых, да мало избранных). Однако для потенциального читателя не всегда очевидно, кто избранный, если даже повествователь скрывается за ролью ремесленника. Данный вопрос актуален и для романа «Пирамида», несмотря на то что в персонажной структуре представлены герои, обладающие сверхъестественными способностями (демонический профессор Шатаницкий, ангел Дымков), и проникновенные (о. Матвей, Дуня Лоскутова), противоречивость характеристик которых свидетельствует о неоднозначности авторской позиции.

Тема утраченного дара подробно разрабатывается в романе «Скутаревский» (1930), интертекстуальное поле образа младшего-Скутаревского, художника, вбирает несколько мифологем: блудный сын, зарытый в землю талант, бесплодная смоковница. Имея в виду полисемию слова «талант», повествователь обыгрывает различные значения лексемы: дар оказывается главным капиталом (ситуация намечена уже в романе «Дорога на Океан»). Обычно избранному герою в тексте противостоит бездарный и, отчасти, ремесленник. Иногда акцент сдвигается, в «Русском лесе» мотив таланта раскрывается через оппозицию образов художника (лесник Вихров) и трикстера (Грацианский). В цепочке мотивов **дар – созидание, отчаяние – разрушение** уточняется также личное окружение

героев, труженик Вихров признан обществом как выдающийся научный деятель, духовная пустота Грацианского, не способного на творчество, не привлекает никого – герой одинок.

В романе «Пирамида» мотив дара-таланта связан с образами рассказчика, режиссера Сорокина и Юлии Бамбалски, мотив дара-провидения и клада – с семьей Лоскутовых. Мотив провидения выступает в качестве индикатора принадлежности героев мистической реальности, а мотив таланта свидетельствует о земных притязаниях названных действующих лиц. В образе ангела Дымкова совмещаются оба варианта, которые, как две стороны одного листа, определяются тем, что эмпирическое бытие для трансцендентного существа прозрачно.

Мотив бесталанности, маркирующий героев не менее выразительно, чем антонимичная ему одаренность, связан с образами старика Дюрсо, инспектора Гаврилова, Юлии Бамбалски, через их рассуждения, действия повествователь исследует вопрос о сущности таланта как такового. Талант рассматривается названными персонажами как один из путей к власти, славе и богатству. Для всех действующих лиц романа (что позволяет судить и об авторской точке зрения) талант, как и чудо, выступает индикатором неравновесия; обнаружение таланта нарушает привычный порядок вещей, выделяет избранных. Однако избранничество не приносит героям счастья, поскольку связано с необходимостью исполнения особо сложной миссии (ангел Дымков).

К персонажам, обладающим даром, относится Дуня Лоскутова. Внешняя невзрачность героини оттеняется значением клада, замечаемого окружающими в сиянии лица девушки. Необычность облика, поступков Дуни привлекает к ней нарратора, Никанора, режиссера Сорокина, вызывает особые опасения родителей (хрупкость, впечатлительность, способность к пророчеству). В разработке образа героини автор обращается к приему антиномий (тонкая душевная организация – и обучение на бухгалтера,

прозрение состояния ангела на расстоянии – и невозможность постигнуть изникновение его дара).

Первая часть романа, где повествователь знакомится с Дуней, имеет говорящее название «Загадка», спор Дуни и режиссера о кладе – теме дымковской – строится на сочетании противоположностей. Понимая клад как **вещь**, Сорокин интересуется: сколько стоит, сколько весит, где применяется, где можно купить. Но искомое – не вещь, вообще не объект, а **тема**, отсюда и ответы Дуни противоречивы: утверждая, что загаданное «не стоит денег», она хочет получить за него тысячи; отмечая, что «вовсе и не весит ничего», тут же заключает: «Вам и не удержать его, пожалуй». В итоге путаных поисков определения Дуня уподобляет талант «синему камню», образ которого отсылает к средневековой мистике – алхимия, философский камень, святой Грааль, камень Алатырь.

В градацию мотива **дар – талант – гений** повествователь вкладывает особый смысл. В первом и среднем звене цепочки легко актуализируется материальная подоплека слова: дар-подарок, талант – мера денег и веса. Профанные герои леоновских текстов часто видят в таланте только эту составляющую. Для проникновенных и мистических персонажей возможность дара обусловлена прозрачностью бытия (Дуня проходит сквозь нарисованную дверь, путешествует по волнам времени, созданного Дымковым, ангел берет из пустоты то, что ему нужно). Мотив прозрачности подводит к политической и футурологической подоплеке дара, что вписывает прозу Леонова в русскую утопическую традицию⁴.

Анализ мотивов отчаяния, дара и чуда обнаруживает в тексте Леонова их характерное сцепление, где каждое из звеньев уточняет функционирование соседнего. По принципу проявленности мотивов в персонажной структуре произведения выстраивается следующая типология героев: герои мистические (чудотворящие); герои проникновенные (их дар и

⁴ Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века. Томск: ТГУ, 2005.

чудеса выделяют среди прочих и свидетельствуют о существовании идеального) и герои профанные (бездарные, чудес не замечающие).

Вторая глава «Мотивы духовного испытания в романе Л.М.Леонова “Пирамида”» посвящена анализу мотивов искушения и выбора пути, определяющих самостоятельное существование человека в созданном Богом мире. Развитие данных мотивов связано с проявлением личностного начала в человеке и может рассматриваться в экзистенциальном ракурсе. Глава состоит из двух параграфов.

В первом параграфе **«Мотив искушения в творчестве Л.М. Леонова и его реализация в романе “Пирамида”»** искушение рассматривается как форма испытания, предназначенного герою. Преодоление этого испытания в свою очередь может быть связано с мотивами отчаяния (невозможность выхода из кризиса), чуда, провидения, выбора пути.

Для творчества Леонова мотив искушения-испытания не самый характерный, но разработка его отличается особой стабильностью. Художественное оформление мотива осуществляется через устойчивые мифологемы: запретный плод, Лотова жена, искушение Христа в пустыне. В «Воре» неоднородность персонажной структуры раскрывается через переменное действие механизма соблазнительного пряника, позволяющего делить героев на восприимчивых к «сладкому» (Балуева, Чикилев) и на жаждущих кислого (Вьюга, Векшин). Если в первом случае предмет соблазна внушает надежду на светлую жизнь, то во втором – на избавление от тоски. Для сюжета определяющим является второй ракурс трактовки соблазна с его экзистенциальной тревогой и бунтом – типичными составляющими ситуации искушения. В «Пирамиде» искушение кислым не всегда выдерживает и ангел Дымков как в буквальном (бокал вина), так и в переносном смысле (поддается уговорам старика с говорящей фамилией Дюрсо).

В леоновском тексте алломотивы **испытания – искушения** часто звучат как две оценки одной ситуации; двуликость мотива заложена в мифологеме Лотовой жены: поддавшись искушению обернуться, она не

выдерживает испытания, почему и наказана. В романах Леонова «Вор», «Дорога на Океан», «Русский лес» аллюзии к этому библейскому сюжету обретают идеологическую окраску: настоятельное требование **не оглядываться** (прежде всего, на патриархальное прошлое). Однако отношение абстрактного автора к декларируемому постулату неоднозначно, что очевидно в контексте всего леоновского творчества. Если Лотова жена наказана за нарушение запрета, то, на взгляд художника, именно такие, «ослушавшиеся» герои (Митька Векшин, Лиза Протоклитова), оказываются наиболее выразительными и интересными для писателя: «Я никогда и не брался за тех, что не оглядываются»⁵.

В романе «Пирамида» мотив испытания веры связан с образами ангела Дымкова (его пребывание в земных пределах), семьи Лоскутовых (Вадим, Дуня, отец Матвей). В случае с ангелом Дымковым обратной стороной мотива испытания становится мотив инициации (посвящения), где элементами ритуала являются вкушение особой пищи, облачение в особые одежды. Структура посвящения, таинства двойственна: с одной стороны, сакральная связь с Богом, с другой – очевидная, ритуализованная часть, обряд. Данная структура определяет место мотива в романе: он захватывает огромный сюжетный пласт, поскольку связывает ангельскую фантазмагорию с реальным историческим временем.

Каузальным по отношению к мотиву посвящения ангела в земную, мирскую жизнь становится обстоятельство наделения героя телом, «отелеснивание» ангела – **онтогенез**, повторяющий **филогенез** человечества, проливает свет и на идею автора о будущем человечества. Ангел не только искушается, испытывается новой жизнью, но и причащается к мирскому кодексу. Мотив испытания определяет отношения между героем и хронотопом, в котором он действует, обуславливает логику развития сюжетной линии. Процесс редукции идеальности дополняется в образе Дымкова появлением чувств голода, холода, влечения, тщеславия.

⁵ Леонов Л.М. Собрание сочинений: В 10 т. М., Художественная литература, 1982. Т. .3. С. 127.

Изникновение дара чудотворения тоже становится формой испытания: герой лишается своего изначального преимущества, несовместного с формой земного существования. Таков неутешительный прогноз писателя о пути духовного самосохранения для человека и человечества.

Архитектурная природа мотива искушения у Леонова проявляется в первомайской встрече Шатаницкого с отцом Матвеем. Мотив раскрывается по принципу «матрешки», своеобразие и характерность которого для леоновского письма отмечает Т.М. Вахитова в монографии «Художественная картина мира в прозе Л. Леонова»: «Один из главных леоновских принципов архитектоники – принцип “матрешки”, согласно которому мир состоит из вдетых “друг в дружку” объектов, внутри которых может находиться и метафизическое пространство»⁶. Евангельский эпизод искушения Христа в пустыне в разговоре героев – это срединный тематический слой; внешним по отношению к нему является прецедент встречи батюшки с inferno; глубинным – испытание отца Матвея (на разграничении канонического богословия и индивидуального, лоскутовского, веросознания).

В Дуниной истории мотив искушения звучит в связи с появлением режиссера Сорокина. Искушение Сорокиным Дуни в тексте очевидно, однако интересно рассмотреть их диалог и в обратном ключе: сама Дуня как воплощение нового образа (тайны), разгадка которого обещает шанс на самореализацию для художника: «Возникшее искушение не покидало его, чисто сценарная загадка подобного убожества в блистательный век социализма овладела его воображением». Клад, таящийся в сердце девушки, манит перспективой создания шедевра, но раскрыть загадку бесталанному не удастся. Для реализации дара, считает автор, нужен труд человеческий, прежде всего – труд души, который и придает неповторимость шедевра. Поэтому столь безжизненно, пошло выглядит дом/музей с поддельными творениями мировой культуры (симулякрами), который получает в подарок от ангела красавица Юлия Бамбалски.

⁶ Вахитова Т.М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова. Спб.: Наука, 2007. С. 180.

На следующую встречу с режиссером-искусителем Дуня отправляется непосредственно с целью продать тайну, чтобы спасти семью от разорения. Эпизод выстроен с оглядкой на «Преступление и наказание» Достоевского, однако у Леонова развитие мотива искушения идет в ином направлении: Сорокин, при всей его обделенности даром, художник, он интересуется духовным потенциалом предлагаемого товара. Невозможность сделки обуславливается не только итоговым отказом Дуни от нее, но и непосильностью задания для мастера, духовно неразвитого, вкус которого воспитан на поделках соцреализма.

Для Леонова крайне характерно взаимодействие в нарративе нескольких модусов действительности, когда соприкасаются, взаимопроникают исторический и фантастический слои повествования. Реальная картина сменяется другой, когда начинает действовать наваждение, внушаемое герою, дьявольское искушение. Леонов часто связывает ситуацию искушения с заболеванием, отсюда преодолевший испытание – выздоравливает, находящийся во власти искушения/наваждения – болен. В линии **Дуня – Сорокин** искушение завершается, когда становится очевидным, что героиня передумала продавать тайну – «наваждение кончилось», и состояние режиссера описывается словами «разбитость», «благостная пустота выздоровленья», что обращает нас к евангельским эпизодам изгнания бесов. Сорокин из «расслабленного» (в смысле – безвольно повторяющего слова дьявольского наущения) становится свободным от власти демона. Эпитет «пустой» в этом контексте обретает новое прочтение – чистый.

Однако у писателя есть герои, для которых подобный выход из ситуации искушения невозможен, поскольку они подчинены бесконечному наваждению искушать и искушаться (Манька Вьюга в «Воре», Юлия Бамбалски в «Пирамиде»). Перманентное искушение, характеризующее персонажей, свидетельствует об изломанности, деформированности их сущности. Таким образом, форма разработки мотива позволяет рассуждать о

личностных качествах героев, выделяя среди них цельных (Никанор), смятенных (Дымков), деформированных (Юлия, инспектор Гаврилов).

Во втором параграфе **«Мотив выбора пути и его трансформация в творчестве Л.М. Леонова»** особое внимание уделяется неоднозначным ситуациям выбора героев, в результате которого стираются грани между Добром и Злом, праведниками и отступниками, утверждается непознаваемость истинной сущности вещей.

В рассказе «Гибель Егорушки» оценка правильности-неправильности выбора главного героя не может быть однозначной, необходимо прояснить расстановку сил Добра и Зла в персонажной структуре. Добро явлено изначально в образе Егорушки, герой уподоблен лику святых. Однако, поскольку Егорушка приводит в дом/мир черного монаха Агапия, получается, что он выбирает Зло, руководствуясь чувством жалости к обездоленному. В образе Егорушки сплетаются мифологическое и фольклорное начала: Георгий-Победоносец и Егор-горе-бедоносец.

Новое измерение ситуации выбора в ветхозаветном сюжете представлено в рассказе «Уход Хама» (1922). Заострение нарратором внимания на несправедливости по отношению к дерзкой, но честной оценке Хама поведения отца, лжеправедничество Ноя, Сима и Иафета позволяют определить данный леоновский текст как еретический.

В романе «Вор» мотив выбора пути связан прежде всего с главным героем, Митькой Векшиным. В леоноведении встречаются размышления о том, что Митька – авторская интерпретация архетипического сюжета о блудном сыне, в унисон образу Раскольникова у Достоевского⁷. При выборе пути основной задачей, стоящей перед героем, становится необходимость понять, какая дорога истинная, а какая ложная. Сам человек, без помощи Божьей, не в состоянии различить их, положение на распутье традиционно связывается с inferнальной стихией. В размышлениях героев «Вора»

⁷ Вахитова Т.М. Концепт дворянской усадьбы в творчестве Л. Леонова // Поэтика Леонида Леонова и художественная картина мира в XX веке. СПб.: Наука, 2002. С. 27-38.

постепенно формулируется правило верного пути: надо «Бога в себе увидеть».

Один из характерных типажей в произведениях Леонова – **ловец человеков**: образ, связанный с мотивами искушения/испытания и выбора пути одновременно. Поскольку «ловцы человеков» привлекают людей учением Христовым», ключевой семой понятия становится **знание** как энергия, управляющая миром. На протяжении творчества образ «ловца человеков» Леоновым неоднократно переосмысливается, соотносится с различными типами знания: от традиционного образа праведника (Ной) к революционеру (Семен в «Барсуках»), от художника (Фирсов) к промышленнику и коммерсанту (Увадьев, Петрынин). В поздних романах «ловцом» оказывается ученый (Скутаревский, Вихров) и inferнальный профессор Шатаницкий, что свидетельствует об усилении прогностической составляющей образа.

Наибольший интерес для писателя составляют герои, выбирающие неверный путь, активно познающие мир – Митька Векшин, Маша Долманова, Таня Векшина. В этих образах даются вариации ошибочного пути: блуждание, сознательное зло, трагическая ошибка. Реплика нарратора о том, что именно за ними будущее, заставляет задуматься о судьбе человечества в целом. В романе «Пирамида» мотив выбора пути обретает общенациональное звучание – на протяжении текста неоднократно ставится вопрос: **куда идем и куда придем**. Сочетание публицистических высказываний писателя с художественно-поэтическими зарисовками создает своеобразную полифонию. С одной стороны, прописывается путь к коммунистическому раю, «светлому будущему», микроаналогом которого выступает в романе Мирчудес, с другой, рай маркирован чертами ада, где нет места отчаянию, чуду, таланту.

Наиболее тщательно мотив выбора пути разработан повествователем в связи с образами героев нового поколения: Никанором Шаминам и Вадимом Лоскутовым. Делая сознательный выбор в пользу «светлого будущего»,

персонажи по-разному видят пути к нему, что приводит их либо к духовному фиаско (Вадим), либо к игровой перестройке представлений в соответствии с новыми обстоятельствами (Никанор).

В персонажной структуре романа фигурируют и образы героев, выбор за которых сделан высшими силами (Дуня Лоскутова, ангел Дымков), и отстраняющихся от выбора – Юлия Бамбалски. Демоническая попытка последней достичь Господнего могущества, родив оппонента Христу, через падение обрести никому не доступную высоту, окрашивается мотивами пошлости, бездарности, отчаяния.

В зависимости от разрешения мотива выбора пути героев «Пирамиды» можно разделить на три условные группы: **шатуны, игроки и избранные**. Важнейшими актантами ситуации выбора можно назвать: «базу» (учение, теория, представляемая героями) и «вариант» (другая идеологема). Проблема выбора встает перед персонажем независимо от его мировоззрения и становится своеобразным испытанием его духовной силы.

В **Заключении** диссертационной работы подводятся итоги исследования, определяются перспективы дальнейшего изучения темы.

В диссертации впервые развернут и в аспекте генезиса проанализирован комплекс религиозно-философских мотивов в творчестве Леонова, структура данного комплекса позволяет всесторонне охватить отношения в системе **Бог – человек** в ее видении художником.

В пространстве текста категории отчаяния, чуда и дара, искушения и выбора пути изначально неравноценны. В традиционном смысле о мотиве как событии можно говорить лишь по отношению к чуду. Тем не менее, все названные категории обладают присущими мотиву предикативностью и валентностью, что позволяет рассмотреть их именно как мотивы.

Развитие мотивного комплекса у Леонова рассматривается в связи с архитектурными основаниями его метода: принципы «неопределенности» и «матрешки». Важную роль мотивы чуда, дара, искушения и выбора пути играют в персонажной структуре, на основании их

взаимодействия предлагается новая типология героев, характеризующая их по степени проникновенности Божественным знанием.

Основное внимание в работе уделено идейному назначению данных мотивов в художественном тексте, то есть их прагматическому содержанию. Мотивы с разных сторон раскрывают идею познания, ключевую для позднего творчества Леонова. Конфликт между желанием и невозможностью познать реализуется в призме мотива отчаяния наиболее полно. Неразрешимость конфликта, обусловленная ограниченностью человеческой мысли, превращает отчаяние в перманентный источник страдания и нового поиска героев (судьбы Митьки Векшина, Скутаревского-младшего, о. Матвея, Вадима Лоскутова).

Чудо, действуя на разных уровнях текстах (образ, мотив, идея), ставит перед повествователем иную познавательную задачу: в чем проявляется Божественное, если оно вообще существует. Важным аспектом исследования стало разграничение чудес истинных и наваждений в леоновском мировидении. Внешнее сходство данных явлений ввиду их фантастической природы и неочевидности происхождения усложняет авторскую концепцию, лишая ее однозначности. Последовательная дискредитация чудес в «Пирамиде» позволяет предположить, что чудо для Леонова утрачивает ореол Божественной избранности. Дьявольское наваждение чаще управляет сознанием и действиями персонажей. Есть определенная двусмысленность и в трактовке мотива дара. Интересно, что главный художник в леоновском тексте – повествователь – называет себя ремесленником, что может быть как унижением, что паче гордости, так и отражением некоего сомнения в божественном провидении, наперсником которого становится мастер.

Искушение, как и каждый следующий выбор героев, открывает перед ними новое знание, уточняя представление о бытии. В ситуации искушения главные ее участники могут быть названы Искусителем и Жертвой, данные дефиниции применимы к парам: старик Дюрсо – ангел Дымков, Юлия – Дымков, режиссер Сорокин – Дуня. Характерно, что жертвами в творчестве

Леонова становятся герои, выполняющие определенную духовную миссию. Процесс искушения строится аналогично евангельскому эпизоду: три соблазна, против которых предстоит удержаться герою. Замысел художника приоткрывает возможность перепрочтения известной притчи: искушению противостоит тот, с кем сатане играть неинтересно. В искушении – залог нового знания, а писатель – тот же следователь (идея высказывается как в романе «Вор», так и в поздней публицистике Леонова).

Мотив выбора пути тонко связан с духовной позицией героя: твердая опора в форме идеологемы позволяет избранным героям выбрать верное направление пути. Ортодоксы следуют за лидером, для них проблема выбора нерелевантна вообще. Герой-игрок может показаться более активным, но направление его движения зависит от обстоятельств, при малейшем их изменении делается новый выбор, движение начинается в другую сторону. Таким героям присущи постоянный анализ ситуации, стремление понять, какой же путь самый безопасный и эффективный. Позиция ищущего героя наиболее отвечает запросам нарратора.

Процесс непрерывного познания подразумевает некоторую цель, к которой движется путник. В творчестве Леонова она выражена специфическим словом «клад», семантика которого указывает и на сложность пути и неведомость времени, места его нахождения, и на то, что найти его может любой, но этот любой окажется избранным из всех. Идея таинственного клада как смысла познания объединяет все указанные мотивы в единый комплекс, и, что особенно важно, сущность клада остается загадкой не только для читателя, но и для самого автора – творчество писателя выступает как своеобразный дневник поиска чудесного знания.

Таким образом, анализ мотивного комплекса, восходящего к текстам Священного Писания, в романе Леонова «Пирамида» позволил, во-первых, выявить ключевые мифологемы в творчестве писателя. Во-вторых, уточнить существующие типологии героев по характеру их взаимодействия с трансцендентным началом. В-третьих, определить основную идейную

направленность леоновской романистики как проблемы познания, его перспективы и границы. В-четвертых, очерчена авторская позиция по отношению к изображаемой действительности, сложность задачи обусловлена здесь, прежде всего, имплицитностью способов выражения абстрактного автора в тексте.

Результаты диссертационного исследования позволяют говорить об актуальности и перспективности метода мотивологического анализа для произведений литературы XX века, созданных на стыке различных художественных тенденций. За рамками нашей работы остались другие леоновские (не библейские) мотивы, работу и взаимодействие которых было бы целесообразно пронаблюдать в ракурсе ключевой для творчества писателя идеи познания. Продолжение исследования также может идти в направлении изучения позиции абстрактного автора и ее выражения в леоновском тексте.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Бородзеева (Задорина) А.О. Герой-автогипнотизер в новеллистике А.С.Грина // Вестник КрасГУ. 2006. № 6 / 2. С. 44-51.
2. Задорина А.О. Motif of gift in the works of Leonid Leonov (1924-1953) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. №4.6. С. 837-845.
3. Задорина А.О. Мотив чуда в романе Л. Леонова «Пирамида» // Вестник Томского педагогического университета. 2011. Вып. 11(113). С.162-168.
4. Задорина А.О. Мотив дара в романе Л. Леонова «Пирамида» // В мире научных открытий. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2011. №4.1 (16). С. 644-651.

Публикации в иных изданиях:

5. Бородзеева (Задорина) А.О. Образ героя-магнетизера в романтической прозе Э.Т.А. Гофмана и Э. По // Универсалии культуры. Вып. 1. Опыт дискурсного анализа. Красноярск, 2007. С. 39-46.

6. Бородзеева (Задорина) А.О. Мотив автогипноза в новеллистике А.С.Грина // Диалог культур в аспекте языка и текста: Материалы научной конференции / Институт филологии и языковой коммуникации СФУ, Красноярск, 17-18 апреля 2008. Вып.1. С. 3-8.
7. Бородзеева (Задорина) А.О. Образы магнетизеров в новеллах Э. По и А.Грина // Образ реальности в русской литературе XX-XXI вв. Сборник статей. СПб, факультет филологии и искусств, 2008. С. 20-30.
8. Бородзеева (Задорина) А.О. Куклы и кукловоды в позднем романтизме (к постановке проблемы) // *Per aspera ad astra*. Вып. 6. СПб.: Факультет филологии и искусств, СПбГУ, 2008. С. 49-56.
9. Бородзеева (Задорина) А.О. К вопросу об эволюции романтического двоемирия (Э.Т.А. Гофман, Э. По, А.С. Грин) // Универсалии культуры. Вып.2. Философия – эстетика – литература. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2009. С. 206-215.
10. Бородзеева (Задорина) А.О. Мотив отчаяния в романе Л. Леонова «Пирамида» // Образ России в отечественной литературе: От «Слова о законе и Благодати» митрополита Иллариона до «Пирамиды» Л.М.Леонова: движение к многополярному миру: Материалы VI международной научной конференции. Ульяновск: УлГТУ, 2009. С. 321-328.
11. Задорина А.О. Мотив отчаяния в творчестве Л.М. Леонова // Универсалии культуры. Вып. 3. Измерения литературного текста, поэтика, история, философия. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. С. 149-154.
12. Задорина А.О. Мотив чуда в романе Л.М. Леонова «Пирамида» [Электронный ресурс] // Материалы международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2011». М.: МГУ, 2011. 1 DVD ROM.
13. Задорина А.О. Мотив выбора пути в раннем творчестве Л.М. Леонова // Диалог культур в аспекте языка и текста: Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей с международным участием. Красноярск: СФУ, 2011. С. 80-84.